

Ника Светлова

Свет, и всё что после

Ника Светлова

Свет, и всё что после

<https://litres.ru/73825869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей не понял, как умер. Просто выключили свет - не в комнате, внутри. Он парил под потолком операционной и смотрел, как врачи колотят его бывшую грудь. Тело дышало. Сердце билось. О он - нет.

Дальше была тьма. Она разобрала его на части: сначала ушло имя, потом лицо, потом чувства. Осталось только одна вибрация. Одно свойство. Ядро. Верность.

Теперь он - золотой сгусток в Архиве, где висят миллиарды выборов. Ему предстоит выбрать следующую жизнь. не ту, где слава и подвиг. Ту, где никто не узнает его имени. Где он будет просто сидеть и держать чужую руку. Без благодарности. Без свидетелей.

А где-то на Земле его жена Алиса находит в старом кармане сложенный вчетверо лист. Торопливый почерк. Слова, которые он так и не решился сказать вслух.

Это книга о том, что личность - не память, а выбор. О верности, которая не ждёт награды. О тихом свете внутри серой жизни. И о том, что даже после смерти можно остаться причиной чьего-то тепла.

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Тьма и ядро	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Свет, и всё что после

Пролог

Он не понял, что умер, когда это случилось.

Просто выключили свет. Не в комнате — внутри, как будто кто-то выдернул штепсель из розетки, к которой был подключён только он один.

— Давление падает! — крикнула медсестра.

— Дефибриллятор!

Тело дёрнулось на каталке. Разряд.

Он не увидел, он стал этим разрядом на долю секунды. Вспышка прошла сквозь его прозрачную грудь и ушла в тело вниз, заставляя его выгнуться дугой. Странно, когда тебя бьёт током, а ты не чувствуешь боли, только вибрацию. Как струна, которую дёрнули и забыли отпустить.

Ещё разряд.

Алексей парил под потолком операционной, приклеенный к белой плитке, и смотрел, как маленькие люди в зелёных халатах колотят его бывшую грудь. Он слышал запахи, не носом, всем собой. Озон. Жжёное мясо. Страх. Страх пах мускусом и железом. Он никогда не замечал этого раньше.

«Странно, — подумал он. — А я думал, будет тоннель и свет».

Но не было ни тоннеля, ни света. Был только он — про-

зрачный, невесомый, висящий в трёх метрах над собственным телом.

— Есть пульс! — сказал хирург.

Алексей обрадовался. Пульс — это хорошо. Пульс — значит, он вернётся. Сейчас они его зашьют, он откроет глаза, скажет что-нибудь глупое вроде «какого чёрта» и пойдёт курить в туалет, хотя врач запретил.

Но он не вернулся.

Тело дышало. Сердце билось. А он нет.

Он всё ещё висел под потолком. И чем дольше он там висел, тем яснее понимал: это не обморок. Не галлюцинация. Он слышал, как медсестра сказала врачу: «Стабилен, но без сознания». И понял: она говорит про тело. А про него не говорит. Потому что его нет в отчётах. Его нет нигде, кроме этой точки под потолком.

— Я здесь! — попробовал крикнуть Алексей.

Ничего не вышло. У него не было горла.

Он попробовал пошевелить рукой. Не было руки.

Он попробовал заплакать. Не было глаз.

Было только осознание. Острое, как лезвие. Холодное. Нечеловеческое.

«Я умер, — сказал он себе. — Я действительно умер».

Сказал и мир вокруг изменился. Операционная пошла рябью, как отражение в воде, когда кидаешь камень. Врачи выцвели, стали серыми, потом прозрачными. Мониторы, капельницы, лампы, всё потеряло плотность. Остался только

он и тишина.

Страх пришёл не сразу. Сначала было любопытство, потом отрицание, потом злость.

— Я не договорил! — закричал он без голоса. — У меня дочка! Варя! Ей восемь лет! Я обещал ей щенка на день рождения! Я не успел!

Тишина не ответила.

— Алиса! — вспомнил он. — Жена. Мы вчера поругались. Из-за денег. Я сказал, что она транжира. Я не извинился!

Тишина молчала.

— Я не хочу умирать! — это был уже не крик. Это была вибрация, которая шла оттуда, где раньше было сердце. — Ну пожалуйста! Дайте мне ещё минуту! Одну минуту! Я не знаю, что скажу. Я просто... я не хочу, чтобы последним, что она от меня слышала, было «транжира».

Он не знал, что ещё сказать, потому что слов, которые стоят последней минуты, не существует. Вся жизнь прожита, и ни одно слово её не исправит.

И тогда тишина ответила. Не голосом. Чувством.

«Ты уже всё сказал. Каждый день. Когда молчал с ней за завтраком. Когда гладил по голове перед сном. Ты говорил всё время. Просто не знал об этом».

Алексей замолчал. Его прозрачная сущность задрожала.

— Это нечестно, — сказал он тихо.

«Честно. Это просто правда».

И тогда его потянуло. Не вверх, не вниз, куда-то вбок. В ту сторону, где не было стен, где кончалась геометрия.

Он провалился. Сквозь плитку, сквозь бетон, сквозь фундамент больницы, туда, где кончается мир и начинается то, что нельзя назвать.

Часть первая. Тьма и ядро

Он всё ещё был Алексеем.

Это важно. Он не превратился в сгусток мгновенно. Сначала была долгая, тягучая тьма, в которой он продолжал думать, помнить, страдать.

Он лежал в этой тьме, как на дне океана. И вспоминал: «Варя. Моя девочка».

Как она впервые сказала «папа». Как он нёс её на плечах через парк, и она тянула его за волосы. Как она плакала, когда он уезжал в командировку. Он помнил цвет её колготок в тот день. Розовый, как закат в июле. Он помнил всё. Каждую секунду. Сорок три года жизни обрушились на него разом, и он захлебнулся в них, как в цунами.

— Я не хочу забывать, — прошептал он в темноту. — Пожалуйста, не заставляйте меня забывать.

Но тьма не слушала.

Она начала разбирать его на части. Было не больно, но методично часть за частью его диагностировали, как механизм, чтобы понять, как он работает.

Сначала ушло имя.

Алексей. Меня зовут Алексей. Алек-сей. Он повторял это про себя, как мантру. Алек-сей. Алек... Звук стал чужим. Будто слово, которое повторяешь сто раз подряд, пока оно

не превратится в бессмысленный набор вибраций. Он испугался не того, что забыл имя. Он испугался, что оно перестало что-либо значить. Что он сам перестал что-либо значить без него.

А потом не стало и страха.

Буквы распались, звуки исчезли. Осталось только смутное знание: «я — это я». Но кто этот «я» он уже не знал.

Потом ушли лица. Он помнил, что любил женщину, но не помнил, как она выглядит. Помнил, что у него была дочь, но не помнил цвет её волос. Помнил кота, но не помнил, как его кличку.

Потом ушли чувства. Боль утраты исчезла первой. За ней обида. Потом радость. Потом любовь.

Он не чувствовал их исчезновения. Он просто становился легче. Прозрачнее. Пустее.

И в какой-то момент, он не знал, через сколько, от Алексея осталась только одна нота.

Одна вибрация.

Он не мог её назвать. Не мог объяснить. Но он чувствовал её всем собой, вернее, тем, что от него осталось.

Это была верность.

Не кому-то конкретному. Не чему-то. Просто — свойство. Качество. Ядро. Он был верным. Всю жизнь. Даже когда хотел сбежать. Даже когда было легче предать. Даже когда никто не видел. Он оставался.

И эта нота засветилась.

Тьма расступилась. Он увидел себя маленький, мутно-золотой сгусток. И понял, что это он. Не Алексей. Не муж. Не отец. Не сварщик. А это. Золотое свечение.

И в этот момент он перестал быть Алексеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.